

УДК 346.546.7

<https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-2-26-42-48>

ISSN: 2542-0259

© Российское конкурентное право
и экономика, 2021

Общий интерес как признак группы лиц

Каменков М.В.,

Институт развития конкуренции
и антимонопольного
регулирования Санкт-
Петербургского
государственного университета,
199034, Россия,
г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7/9

Аннотация

Верховный Суд Российской Федерации предлагает рассматривать группу лиц в качестве единого хозяйствующего субъекта, участники которого действуют в общем экономическом интересе группы в отношении третьих лиц (иных участников рынка). При этом предлагается дать возможность заинтересованным лицам доказывать, что к хозяйствующему субъекту, формально вошедшему в группу лиц согласно ст. 9 Федерального закона «О защите конкуренции», не должен применяться правовой режим этой группы, если в действительности данный субъект автономен в своем поведении, например, когда другие участники группы не имеют достаточных правовых (договорных, корпоративных) и организационных (управленческих) средств влияния на его поведение. Соотношение признаков наличия общего экономического интереса у участников группы лиц и достаточных средств влияния на экономическое поведение хозяйствующего субъекта применительно к группе лиц Верховный Суд России не разъясняет. Автор выбрал указанное выше соотношение в качестве основного предмета исследования. По мнению автора, наличие общего экономического интереса не является достаточным для признания совокупности хозяйствующих субъектов группой лиц в отсутствие реальной связи между ними.

Ключевые слова: группа лиц, аффилированные лица, интерес, общий интерес, общий интерес группы лиц, контроль, отношения связанности, влияние.

Для цитирования: Каменков М.В. Общий интерес как признак группы лиц // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 2 (26). С. 42—48, <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-2-26-42-48>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Common Interest as a Sign of Related Party

Maksim V. Kamenkov,
Institute of Competition
Development and Antimonopoly
Regulation of St. Petersburg
State University,
Universitetskaya Emb.,
7/9, St. Petersburg, 199034,
Russia

Abstract

The Supreme Court of the Russian Federation proposes to consider a group of persons as a single economic entity, the participants of which act in the common economic interest of the group in relation to third parties (other market participants). At the same time, it is proposed to give an opportunity to interested parties to prove that an economic entity that is formally included in a group of persons in accordance with Article 9 of the Federal Law “On Protection of Competition” should not be subject to the legal regime of this group, if in reality this entity is autonomous in its behavior, for example when other group members do not have sufficient legal (contractual, corporate) and organizational (managerial) means of influencing his behavior.

The Supreme Court of Russia does not clarify the correlation between the signs of a general economic interest among members of a group of persons and sufficient means of influencing the economic behavior of an economic entity in relation to a group of persons. The author chose the above ratio as the main subject of his research. According to the author, the presence of a general economic interest of economic interest is not sufficient for the recognition of the totality of economic entities as a group of persons in the absence of a real connection between them.

Keywords: *group of persons, affiliated persons, interest, common interest, common interest of related party, control, connections, influence.*

For citation: Kamenkov M.V. Common interest as a sign of related party // Russian Competition Law and Economy. 2021. No. 2 (26). P. 42–48, <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-2-26-42-48>

The author declare no conflict of interest.

Введение

В соответствии с подходом, закрепленном в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» (далее — постановление Пленума ВС РФ от 4 марта 2021 г. № 2)¹, группу лиц предложено рассматривать в качестве *единого хозяйствующего субъекта* (субъекта рынка), чьи участники действуют в *общем экономическом интересе* группы в отношении третьих лиц (иных участников рынка).

В то же время ВС РФ указывает, что заинтересованные лица вправе доказывать, что к хозяйствующему субъекту, формально вошедшему в группу лиц, согласно ст. 9 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 17.02.2021) «О защите конкуренции»² (далее — Закон о защите конкуренции), не должен применяться правовой режим этой группы, если в действительности данный субъект *автономен в своем поведении*, например, когда другие участники группы не имеют достаточных правовых (договорных, корпоративных) и организационных (управленческих) средств влияния на его поведение.

Не составит труда заметить, что, предлагая рассматривать группу формально независимых субъектов права в качестве единого субъекта и определяя общий экономический интерес связующим признаком, ВС РФ в то же время допускает возможность оспари-

¹ См.: <https://www.vsr.ru/documents/own/29742/> (Дата обращения: 30.04.2021).

² См.: СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

вания наличия группы лиц при формальном соответствии отношений между ними положениям ст. 9 Закона о защите конкуренции при отсутствии иного качественного признака — неавтономного поведения. Закономерно возникает несколько взаимосвязанных вопросов: 1) является ли зависимость поведения таким же сущностным признаком наравне с общим интересом; 2) может ли существовать группа неавтономных лиц без единого интереса; 3) может ли существовать группа лиц по ст. 9 Закона о защите конкуренции только на основе единого интереса без наличия признака связанности поведения. Соответственно, достаточно ли выявить общий интерес у группы совместно действующих лиц для установления факта наличия группы лиц по ст. 9 Закона о защите конкуренции или необходимо также установить неавтономность действий участников такой группы, либо можно ограничиться любым из указанных признаков, исходя из того, что второй из них либо не имеет юридического значения, либо в любом случае присутствует при наличии первого, но в конкретных обстоятельствах не может быть выявлен.

1. Проблемы определения сущностных признаков понятия группы лиц

Стоит отметить, что ст. 9 Закона о защите конкуренции не содержит дефиниции общего понятия, которое бы определяло группу лиц как совокупность лиц, участники которой имеют «правовые (договорные, корпоративные) и организационные (управленческие) средства влияния» на поведение друг друга. Данная норма содержит перечень различных юридических признаков связанности с весьма разнообразной, даже отчасти неоднозначной степенью возможности одного лица влиять на поведение другого. Так, родственники могут находиться в конфликтных отношениях между собой, и решение одного из них может не только не определять действия другого родственника, но даже быть иррациональным основанием для противодействия ему. Однако же совмещение должности генерального директора в двух организациях позволяет нам наиболее вероятно говорить о подконтрольности действий обеих таких организаций одному лицу, фактически руководящему деятельностью таких организаций. Необходимо отметить, что ВС РФ в том же пункте постановления Пленума ВС РФ от 4 марта 2021 г. № 2 обращает внимание на необходимость учета данной особенности понятия группы лиц, указывая, что «при оценке вхождения организаций в группу лиц по основаниям, предусмотренным пп. 7—8 ст. 9 Закона, суд вправе учесть, что личные отношения между гражданами фактически (содержательно) отсутствуют и организации, участниками которых являются данные физические лица, ведут не связанные между собой виды деятельности на разных товарных рынках».

В свою очередь, в ст. 4 Закона РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении моно-

полистической деятельности на товарных рынках»³ (далее — Закон об ограничении монополистической деятельности) в абзаце 3 под аффилированными лицами предлагается понимать физические и юридические лица, способные оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Однако понятие аффилированных лиц шире, чем «группа лиц», которое является частным случаем аффилированности (абз. 6, 11 указанной статьи). Поэтому общий признак способности аффилированного лица оказывать влияние на деятельность другого также может быть и в группе лиц.

Между тем, что понимается под «влиянием на деятельность», Закон не раскрывает. А.В. Калинина, например, отождествляет данное понятие с контролем [6], аналогичного подхода придерживается А.В. Габов [2]. Л.Д. Эбралидзе видит в таком влиянии фактическую возможность напрямую или опосредованно определять решения и действия юридического лица [9]. А.И. Бычков в аффилированности видит в первую очередь связанность одних лиц с другими по различным критериям: за счет преобладающего участия в уставном капитале, осуществления функций корпоративного управления, отношений родства и иных признаков, которые позволяют одному лицу оказывать влияние на предпринимательскую деятельность другого [1].

Однако в той же ст. 4 Закона об ограничении монополистической деятельности в качестве аффилированного лица организации названо лицо, обладающее более чем 20 процентами уставного капитала. Владение капиталом организации обычно не связано с возможностью принятия хозяйственных решений — это компетенция генерального директора. Возможность же в любое время прекратить полномочия такого лица либо принять участие в решении этого вопроса — само по себе не есть определение условий ведения деятельности [8]. Тем более что размер пакета в 20 процентов в конкретной хозяйственной ситуации вообще может не давать никакого реального влияния даже на вопрос принятия решения о назначении на руководящие должности компании.

В этой связи заслуживает внимания мнение, что через понятие аффилированности «законодатель пытается описать потенциально конфликтогенную связь двух и более субъектов, которая может повлиять на отношения одного из субъектов такой «связанности» с третьими лицами, с которыми, в свою очередь, связан другой субъект «связанности», на права и обязанности таких третьих лиц» [7]. И устанавливая порог для выявления аффилированности в 20 процентов уставного капитала в частности, законодатель вряд ли ограничивается исключительно ситуацией контроля одного лица другим. Важное правовое значение приобретает сама потенциальная возможность поведения лиц, между которыми имеются особые отношения, отличного от поведения

³ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 18.04.1991. № 16. Ст. 499.

лиц, в отношениях которых нет таких особенностей. Поэтому контроль как таковой является частным случаем аффилированности, но не ее фундаментальным признаком. Более того, относя к группе лиц родственные отношения, законодатель явно не предполагал, что родственники априори находятся под контролем друг друга.

Следовательно, для аффилированных лиц одним из конституирующих признаков является наличие между лицами отношений, в рамках которых одно лицо *потенциально* имеет возможность влиять на деятельность другого. Без указанного признака аффилированных лиц быть не может. В то же время между независимыми субъектами оборота также складываются отношения, в которых участники так или иначе влияют друг на друга (покупатель желает приобрести товар по наименьшей цене, продавец — продать по наибольшей, в процессе переговоров стороны влияют на те условия, по которым будет реализован товар и дальнейшие действия друг друга. Разовость сделки не является в данном случае маркером, исключающим приведенный пример, — отношения могут быть длительными, например, при систематических поставках продукции торговой сети). В связи с этим неслучайно ВС РФ, допуская для заинтересованного лица возможность доказывания, что к хозяйствующему субъекту, формально вошедшему в группу лиц согласно ст. 9 Закона, не должен применяться правовой режим этой группы, говорит о необходимости обоснования отсутствия *достаточных* средств влияния на его поведение другим лицом (лицами). Но что необходимо понимать под «достаточностью» и «средствами влияния», ВС РФ не поясняет. Отсутствует данное указание и в Законе. Состояние контроля, в свою очередь, является лишь частным случаем особых отношений влияния. Раз ВС РФ делает акцент на общем интересе, возможно, именно таковой мог бы выступить данным связующим фактором.

2. Единый интерес как доказательство наличия связанности между лицами

Надо отметить, что идею единого интереса для доказывания наличия факта аффилированности ВС РФ последовательно высказывает уже несколько лет⁴: по смыслу абзаца 3 ст. 4 Закона об ограничении монополистической деятельности, считает ВС РФ, не исключается доказывание заинтересованности даже в тех случаях, когда структура корпоративного участия и управления искусственно позволяет избежать формального критерия группы лиц, однако сохраняется возможность оказывать влияние на принятие решений в сфере ведения предпринимательской деятельности. О наличии такого рода аффилированности может свидетельствовать поведение лиц в хозяйственном обороте, в частности, заключение между собой сделок

и последующее их исполнение на условиях, недоступных обычным (независимым) участникам рынка.

Нижестоящие судебные инстанции в целом восприняли идею ВС РФ о том, что «аффилированность предполагает наличие взаимного интереса или взаимной зависимости между юридическими лицами или их участниками, органами управления и т. п., а также свидетельствует о единстве интересов, целей принятия и реализации отдельных решений»⁵, что может быть установлено также через факты заключения и исполнения сделок на недоступных для независимых участников рынка условиях⁶. Однако в различных случаях существование данных единых интересов считалось судами доказанным при разном и неоднородном наборе фактических обстоятельств.

При этом суды главным образом сосредоточились не на изучении качественных особенностей связей между лицами, которые позволили бы говорить о том, что именно при таких-то признаках или особенностях отношений одно лицо имеет возможность влиять на деятельность другого. В большинстве случаев суды ограничивались выявлением на основе имеющихся в материалах дела доказательств тех или иных фактов взаимодействия между лицами (родственные связи⁷, представительство по доверенности⁸, прежние или действующие трудовые отношения⁹, осуществление экономической деятельности разными организациями по одному и тому же адресу, в одном и том же здании (помещении), наличие одинакового штата сотрудников¹⁰ и др.) и формировали мнение о всей цепочке взаимосвязей группы лиц как фактически аффилированной. При этом общий интерес такой группы лиц предполагался ввиду сделанного вывода о фактической аффилиро-

⁵ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.07.2020 по делу № А76-16041/2019//КонсультантПлюс.

⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.09.2020 по делу № А40-192927/17//КонсультантПлюс.

⁷ См., например: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17.08.2020 по делу № А19-455/2019, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 07.09.2016 по делу № А53-15833/2015, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.06.2020 по делу № А56-116159/2018, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.06.2020 по делу № А56-22745/2019//КонсультантПлюс.

⁸ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.07.2020 по делу № А03-5289/2017, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.09.2020 по делу № А02-54/2015, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.05.2020 по делу № А66-7128/2019//КонсультантПлюс.

⁹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.11.2019 по делу № А76-8896/2019, оставленное в силе Определением судьи ВС РФ от 02.03.2020 № 309-ЭС20-626, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20.08.2020 по делу № А55-35520/2018//КонсультантПлюс.

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.07.2020 по делу № А46-15586/2016, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 31.08.2020 по делу № А55-27273/2017//КонсультантПлюс.

⁴ Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475, от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6), от 24.12.2018 № 305-ЭС18-15086(3), от 08.06.2020 № 307-ЭС16-7958 //КонсультантПлюс.

ванности либо считался выявленным судом ввиду внешней синхронности/взаимообусловленности действий данных лиц¹¹. В чем такой интерес заключается, в судебных актах не разъясняется. Встречаются лишь обобщенные выводы о том, что, например, заключение ряда взаимосвязанных сделок объединяется общей хозяйственной целью в виде получения прибыли от предпринимательской деятельности¹²; договоры поручительства, одобренные на внеочередном общем собрании акционеров, имели целью обеспечение текущей производственно-коммерческой деятельности группы (изготовление и сбыт железнодорожных вагонов)¹³.

3. Понятие интереса

В гражданском праве понятие интереса не имеет единого определения. Часть исследователей, ссылаясь на понятия психологии, рассматривают интерес как определенное отношение личности к объектам и явлениям, как избирательную, целеустремленную направленность человека на приобретение тех или иных знаний, на выполнение определенной деятельности [12]. Так, В.И. Хохлов считает, что юридически значимый интерес в гражданском праве — это признаваемый нормативными актами или договором особо оформленный (текстом, в конклюдентных действиях и т. п.) результат осознанных субъектом потребностей, объявленная личная цель в правовой ситуации [8]. Другие рассматривают интерес как объективное явление: интерес существует независимо от субъекта, представляет собой нечто существующее вне человека и определяющее его поведение в обществе. По мнению С.В. Михайлова, интерес по форме является общественным отношением, содержание которого состоит в социальной потребности субъекта [4]. Однако имеется и третье мнение, что интерес — это и есть объективная потребность, принявшая форму сознательного побуждения и проявляющаяся в виде желаний, намерений, стремлений, а в конечном счете в тех отношениях, в которые вступают люди в процессе своей деятельности [3].

Исследований же понятий общего интереса в настоящее время практически не имеется. Основные выводы по данной проблеме сделаны применительно к вопросу разграничения интереса юридического лица и его участников, которые также не имеют единства. Например, по мнению Д.И. Степанова, «юридическое лицо как правовая

абстракция, смысловая фикция, лишенная физического существования, никаких собственных интересов — так, как они понимаются применительно к субъектам, имеющим собственную волю, — не имеет и иметь не может» [13]. В соответствии с другим мнением, наличие собственного интереса у юридического лица признано в первую очередь законодателем посредством наделения юридического лица правосубъектностью, т. е. признания его самостоятельным субъектом гражданских правоотношений. При этом напрямую об интересе юридического лица говорит ряд законодательных норм, например, п. 3 ст. 53, пп. 1, 3 ст. 53.1, п. 1 ст. 55 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), п. 1 ст. 44 Федерального закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО), п. 1 ст. 71 Федерального закона «Об акционерных обществах» и др. [11]. Это позволяет выделить две группы корпоративных интересов, а именно корпоративные интересы участников (членов) корпорации и самой корпорации в целом. Под корпоративными интересами участника (члена) корпорации понимаются имущественные и неимущественные потребности, удовлетворение которых происходит в результате его участия в деятельности корпорации. В свою очередь, корпоративные интересы корпорации — это потребности, обусловленные целями ее деятельности, закрепленными в учредительных документах, удовлетворение которых происходит посредством осуществления такой деятельности [10].

Однако корпоративные отношения — это лишь один из срезов отношений аффилированности, ими данная категория не ограничивается. Поэтому найти ответ на вопрос о том, что же необходимо понимать под общим экономическим интересом группы компаний, компаний и физических лиц или группы физических лиц, в особенностях взаимоотношений, интересов юридического лица и его участников, не представляется возможным.

4. Общий интерес как предпосылка существования группы лиц

В свою очередь, понимание общего экономического интереса как некой объективной категории существующих вне человека и его коллективов нужд не позволит нам отграничить аффилированность от других экономических отношений, в которые формально и фактически независимые друг от друга субъекты вступают в целях удовлетворения таких объективно существующих потребностей. Юридически незначимым в данном смысле является то, идет ли речь о благах одного лица или нескольких. Например, благоустройство вокруг бизнес-центра является общим благом, поскольку положительно влияет также на имидж расположенных в здании компаний, но само по себе это не предопределяет возможность какой-либо компании оказывать влияние на деятельность другой. В данном случае в отношениях сособственников/пользователей бизнес-центра отсутствует критерий, который бы позволил нам сделать вывод о наличии особой связи

¹¹ См., например: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 февраля 2020 г. по делу № А33-10809/2018к5, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 20.08.2020 по делу № А51-30192/2017, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.06.2020 по делу № А40-151918/2015//КонсультантПлюс.

¹² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23.01.2018 по делу № А27-471/2017//КонсультантПлюс.

¹³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.11.2018 по делу № А40-99921/18, оставлено без изменения Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 18.04.2019 по тому же делу//КонсультантПлюс.

между лицами или их группы. Ситуативно эти лица могли бы объединиться для решения одной конкретной задачи, но вне рамок ее реализации они существуют и действуют совершенно независимо друг от друга.

Столь же ненадежным для наших целей является понимание интереса как субъективных психологических эмоций и отражения реальности в сознании, поскольку: 1) участие физических лиц в группе может объясняться различными психосоциальными причинами (например, участие в договоре о совместной деятельности хотя и предполагает достижение общего интереса, но каждый из участвующих в первую очередь стремится к получению собственной выгоды, причем она может как иметь денежную оценку, так и предоставлять коммерческие или даже политические преимущества); 2) юридическое лицо хотя и имеет собственную формальную волю, но не способно рефлексировать реальность как физическое лицо.

Наконец, синтез объективного и субъективного понятия интереса все равно не позволяет нам обосновать особый характер отношений, складывающихся между аффилированными участниками. Объективная потребность, принявшая форму сознательного побуждения и проявляющаяся в виде совместных действий, несомненно, присутствует либо у участников группы аффилированных лиц, либо у создателей такой группы (например, при создании холдинговой структуры владения). Но она проявляется также и в отношениях независимых субъектов. Деятельности ради деятельности не существует — участники оборота всегда стремятся к удовлетворению каких-либо нужд.

Таким образом, категория общего экономического интереса в объективном или субъективном смысле в отрыве от отношений, складывающихся между лицами, не представляет какой-либо возможности обосновать как наличие аффилированных лиц, так и группы лиц. Следовательно, даже если при исследовании той или иной хозяйственной ситуации можно было бы предположить наличие некоего объективно существующего интереса, характерного для схожих обстоятельств (например, выдача займа между коммерческими организациями наиболее вероятно преследует цель вернуть займ и дополнительно получить проценты), или же вероятного субъективного интереса в конкретной ситуации, это не может стать единственным основанием для вывода о наличии группы лиц без исследования подробностей отношений между ее участниками. Аффилированность не является самоцелью, а только лишь средством или же объективно сложившимся обстоятельством.

В связи с этим единство интересов (в том числе экономических) не существует в отрыве от особых отношений аффилированных лиц или группы лиц, а предопределено этими особенностями. В отсутствие таких особенностей не существует и единства интересов. Как следствие, достаточность влияния одного лица на деятельность другого во взаимосвязи с единым экономическим интересом в предлагаемом ВС РФ подходе проявляется в том, что в отсутствие такого достаточного влияния реализация общего

интереса невозможна. Однако в таком случае совершенно неясно, почему ВС РФ делает такой акцент на признаке наличия общего экономического интереса. Он неразделим с самими отношениями, особенности которых и позволяют достигать такой общий экономический интерес.

Стоит отметить, что п. 7 окончательной редакции постановления Пленума ВС РФ от 4 марта 2021 г. № 2, который был в проекте данного постановления п. 6, приобрел небольшое дополнение, которое позволило сместить центр внимания при выявлении группы лиц с общего экономического интереса к существу складывающихся между ними отношений. Так, согласно абз. 2 п. 7 при установлении нарушений антимонопольного законодательства следует исходить из оценки допустимости поведения действующей в общем экономическом интересе группы лиц в отношении третьих лиц (иных участников рынка), если иное не установлено специальными положениями Закона о защите конкуренции, *не вытекает из характера связей участников группы* и не противоречит существу соответствующего антимонопольного запрета.

На наш взгляд, такое скромное по размеру, но важное дополнение, возникшее в результате продолжительного осмысления проблемы, позволяет говорить в настоящее время о том, что единый экономический интерес не является формообразующим признаком группы лиц как таковым и на практике не должен приобретать решающего значения без исследования качественных связей между лицами.

Заключение

При рассмотрении вопроса о наличии или отсутствии группы лиц (аффилированных лиц) в первую очередь подлежат исследованию указанные в постановлении Пленума ВС РФ от 4 марта 2021 г. № 2 юридические и управленческие средства влияния. И только при установлении таких особенностей должен подниматься вопрос о том, для каких целей или какого результата совершались действия лиц, состоящих в особых отношениях. Самостоятельное же выявление некоего общего экономического интереса, объективно вменяемого или субъективно предполагаемого правоприменителем, без исследования особенностей взаимоотношений между участниками группы противоречит сущности института как группы лиц, так и аффилированных лиц. Ядро отношений аффилированности/понятия группы лиц составляют отношения связанности, особый характер которых позволяет отличить их от иных отношений независимых субъектов, которые могли бы ситуативно действовать для достижения общей цели.

С учетом изложенного, группу лиц допустимо рассматривать в качестве единого экономического субъекта, участники которого обладают необходимыми или достаточными для достижения общих экономических интересов правовыми (договорными, корпоративными) и/или организационными (управленческими) средствами влияния на поведение друг друга или одного из них

на поведение другого и/или других участников. Соответственно, заинтересованные лица вправе доказывать, что к хозяйствующему субъекту, формально вошедшему в группу лиц согласно ст. 9 Закона о защите конкуренции, не должен применяться правовой режим этой группы, если в действительности данный субъект автономен в своем поведении — например, когда другие участники группы не имеют правовых (договорных, корпоративных) и организационных (управленческих) средств влияния на его поведение, необходимых или достаточных для достижения общих экономических интересов. ■

Литература [References]

1. Бычков А.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства. М.: Инфотропик Медиа, 2016 480 с. [Bychkov A.I. Actual problems of trial proceedings. Moscow: Infotropik Media, 2016. 480 p. (In Russ.)]
2. Государство и бизнес в системе правовых координат: Монография / Отв. ред. А.В. Габов. М.: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2014. 320 с. [State and business in the system of legal coordinates: Monograph / Ed. by A.V. Gabov. M.: IZiSP; INFRA-M, 2014. 320 p. (In Russ.)]
3. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. 411 с. [Gribanov V.P. Implementation and protection of civil rights. Moscow: Statute, 2001. 411 p. (In Russ.)]
4. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М.: Статут, 2002. 205 с. [Mikhailov S.V. The category of interest in Russian civil law. Moscow: Statute, 2002. 205 p. (In Russ.)]
5. Осипенко О.В. Российские холдинги. Экспертные проблемы формирования и обеспечения развития. М., 2008, 368 с. [Osipenko O.V. Russian Holdings. Expert problems of formation and development. Moscow, 2008, 368 p. (In Russ.)]
6. Калинина А.В. Аффилированные лица как особый субъект правоотношений (вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... к. ю. н. Саратов, 2010, 25 с. [Kalinina A.V. Affiliated persons as a special subject of legal relations (questions of theory and practice): Abstract of the thesis ... ph. D. Saratov, 2010, 25 p. (In Russ.)]
7. Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: Монография / Беликова К.М., Габов А.В., Гаврилов Д.А. и др.; Отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2015. 656 с. [Coordination of economic activity in the Russian legislation: Monograph // Belikova K. M., Gabov A.V., Gavrilov D.A., et al.; Ed. by M. A. Egorov, Moscow: Justicinform, 2015. 656 p. (In Russ.)]
8. Хохлов В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1998. 41 с. [Khokhlov V.A. Civil-legal liability for violation of the contract: Author's abstract. dis. ... ph. D. sciences'. Saratov, 1998. 41 p. (In Russ.)]
9. Эбралидзе Л.Д. Аффилированные лица как правовой институт и правовое средство разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности. Автореф. дис. ... к. ю. н. Казань, 2014. 26 с. [Ebralidze L.D. Affiliated persons as a legal institution and a legal means of resolving conflicts of interests in the field of entrepreneurial activity. Autoref. dis. ... Ph. D. Kazan, 2014. 26 p. (In Russ.)]
10. Корпоративное право: Учебник / Габов А.В., Губин Е.П., Карелина С.А. и др.; Отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2019. 735 с. [Corporate law: Textbook / Gabov A.V., Gubin E.P., Karelina S.A., et al.; Ed. by I.S. Shitkin. M.: Statute, 2019. 735 p. (In Russ.)]
11. Андреева А.М. Соотношение интересов юридического лица и его участников: вопросы правоприменения и влияния на институты корпоративного права // Приложение к журналу Предпринимательское право. 2020. № 3. С. 54—60. [Andreeva A.A. The correlation of interests of a legal entity and its members: issues of law enforcement and influence on corporate law institutions // Entrepreneurial Law — Application. 2020. No. 3. P. 54—60 (In Russ.)]
12. Иванов В.Г. Основные положения теории интереса в свете проблемы отношений человека // Ученые записки ЛГУ № 214. Серия философских наук. Вып. 9. Психология и педагогика. 1956. С. 116—128. [Ivanov V.G. The main provisions of the theory of interest in the light of the problem of human relations // Scientific Notes of LSU No. 214. Philosophical Sciences Series. Issue 9. Psychology and pedagogy. 1956. P. 116—128 (In Russ.)]
13. Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 29—83. [Stepanov D.I. Interests of corporation and its shareholders // Herald of Economic Justice Russian Federation. 2015. No. 1. P. 29—83 (In Russ.)]

Сведения об авторе

Каменков Максим Валерьевич: кандидат юридических наук, старший преподаватель Института развития конкуренции и антимонопольного регулирования Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: Kamenski.max@yandex.ru